

Какъ бури вой, какъ вихрь, какъ громъ во мракѣ тучъ,
 Какъ моря грозный ревъ, какъ молній яркій лучъ.
 Тебя плѣняетъ стонъ, отчаянье, страданье;
 Твоя стихія—ночь; смерть, ужасъ—достоянье...
 Такъ царь степеней—орелъ, презрѣвъ цвѣты долинъ,
 Парить превыше звѣздъ, утесовъ и стремнинъ;
 Какъ ты—сынъ мощный горъ, свирѣпый, кровожадный,
 Онъ ищетъ ужасовъ зимы нѣмой и холодной,
 Низринутыхъ волной обломковъ кораблей,
 Костями и трупами усѣянныхъ полей...
 И, между тѣмъ, когда пѣвица наслажденья
 Поетъ своей любви и муки, и томленья,
 Подъ сѣнью пальмъ, у водъ смѣющейся рѣки,—
 Онъ видитъ подъ собой Кавказскіе верхи,
 Несется въ облака, летитъ въ пучинѣ звѣздной,
 Простерся и плыветъ стремительно надъ бездною,
 И тамъ одинъ среди тумановъ и снѣговъ,
 Свершивши радостный и гибельный свой ловъ,
 Терзая съ алчностью трепещущіе члены,
 Смыкаетъ очи онъ, грозою усыпленный...
 И ты, Байронъ, паришь, презрѣвши жалкій міръ:
 Зло—зрѣлище твое, отчаянье —твой пиръ.
 Твой взоръ, твой смертный взоръ измѣрилъ злосключенья;
 Въ душѣ твоей не Богъ, но демонъ искушенья:
 Какъ онъ, ты движешь все, ты—мрака властелинъ,
 Надежды кроткій лучъ отвергнувъ ты одинъ;
 Вопль смертныхъ для тебя—пріятная отрада;
 Неистовый, какъ адъ, поешь ты въ славу ада...
 Но что противъ судебъ могучій геній твой?
 Всевышняго уставъ не рушится тобой:
 Всебѣдѣе Его премудро и глубоко.
 Имѣютъ свой предѣлъ и разумъ нашъ, и око,—
 За симъ предѣломъ мы не видимъ ничего...
 Я жизнью одаренъ; но, какъ и для чего
 (Постигнуть не могу) въ рукахъ Творца могучихъ
 Образовался міръ, какъ сонмы водъ зыбучихъ,
 Какъ вѣтръ, какъ легкій прахъ поверхъ земли разлилъ,
 Какъ снѣгъ сводъ небесъ звѣздами населилъ?
 Вселенная—Его; а мракъ, недоумѣе,
 Безумство, слѣпота, ничтожность и надменье—
 Вотъ нашъ единственный и горестный удѣлъ...
 Байронъ! сей истинѣ не вѣрить ты посмѣлъ!
 Безмысленный атомъ, исполнить назначенье,